

ОКСАНА ОБУХОВА

ВЫСШАЯ ФОРМА ЛОГИКИ

Опасные
удовольствия

Похищение,
секретная пыточная
и **большие** неприятности

Опасные удовольствия

Оксана Обухова

Высшая форма логики

«Центрполиграф»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Обухова О. Н.

Высшая форма логики / О. Н. Обухова — «Центрполиграф»,
2023 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-10511-0

Вероника Полумятова — кондитер-виртуоз — любит свое дело, потому что ее труд приносит радость людям. К несчастью, с некоторых пор жизнь Ники пошла кувырком. И все оттого, что она стала нужна не только ценителям изысканных десертов, но в равной степени темным личностям и органам государственной безопасности. Относительно добровольная помощница МВД и ФСБ успешно справилась с несколькими запутанными делами, все глубже погружаясь в сложный рискованный мир противостояния криминала и закона. Интуиция – высшая форма логики — подсказывает Нике, что с каждым делом она подвергает себя все более серьезной опасности...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-10511-0

© Обухова О. Н., 2023
© Центрполиграф, 2023

Содержание

Пролог	6
Первая часть	12
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Оксана Обухова

Высшая форма логики

© Обухова О. Н., 2023

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

* * *

Пролог

О том, что Дора переживает очередной душевный кризис, Вероника догадалась моментально: стрессы подруга не переживала, а скорее пережевывала, лицо ее, появившееся на экране ноутбука, напоминало морду хомяка, уже создавшего нешуточный запас на случай затяжной депрессии. Тугие загорелые щеки проживающей в далеком Израиле Вознесенской, казалось бы, должны петь гимны прекрасному здоровью, полноценному сну и качеству провианта в магазинах Тель-Авива, но Вероника разглядела за «здоровой» вывеской симптомы продолжительной хандры. В отличие от поджарой Вероники, которой в стрессовой ситуации кусок в горло не лез, Вознесенская тот стресс зажевывала с трудолюбием и мощью сельскохозяйственной молотилки. Перемолачивала потрясающие объемы продовольствия и уверяла окружающих, что стресс таки сжигает все калории.

Врала, конечно. Себе и окружающим. А Нике говорила, что у них элементарно разная скорость метаболизма. Вероника притворялась, будто верит мусоросжигательным иллюзиям подруги, так как лежачих никогда не добывала. А потому сидела сейчас за письменным столом перед разложенным ноутом и прилежно слушала. Километры, заполненные морем и землей, подруг отнюдь не разделили, продвинутые технологии позволили общаться и делиться. Доре регулярно требовались внимательные дружеские уши. Вероника по ней попросту скучала.

– ...Короче, думала я, думала, подруга, и решила вернуться. На Родину! – Сказано было именно с большой буквы. Твердый пафос интонации сомнений не оставил. – Обрыдло все, понимаешь? Торчу, как проклятая, с двумя поцами в одной конуре...

Кто такие поцы, сидящие вместе с Дорой в тесноте, Ника прекрасно знала: Хаим и Димка, коллеги Вознесенской по туристическому агентству. Периодически эти парни становились прекрасными ребятами, но чаще...

– Ты хочешь насовсем вернуться? – ввернула Вероника вопрос, воспользовавшись паузой, пока подруга запивала печеньку молоком.

– Ну, – жевнула та. – Навсегда. Уже билеты на послезавтра заказала. – Она подмигнула. – Ты бизнес со мной еще не передумала мутить?

Мечтательные разговоры о совместном предприятии, где профессиональный кондитер Вероника Полумятова торты с пирожными печет, а Вознесенская рулит «рутиной» их потенциального кафетерия, были любимой темой разговоров через километры моря и земли. Темой сближающей и иногда нетрезвой, пару раз Дора даже начинала за разговором чемоданы собирать.

Но никогда еще не была настолько непреклонно настроенной.

– У тебя что-то случилось? Дор? – осторожно поинтересовалась Вероника. Порой и лучшую подругу необходимо подтолкнуть к откровенности.

– Да как сказать... – Подруга запустила пальцы в густые смоляные волосы, взлохматила прическу. – Не знаю! – выкрикнула и трагически округлила прекрасные глаза персидской княжны, сверкнувшие слезой, как попавшие под дождь полированные черные агаты. – А вот ты погадай мне!

Неожиданно. Дора отлично знала, как Вероника относится к своему хобби – гаданию. Как-то Вознесенская была свидетелем тяжелого переживания Ники, когда той пришлось сказать одной из общих приятельниц печальную правду: «Тебя, Мария, прости, ждет серьезное испытание, удар...» Вероника честно не понимала, почему карты с ней разговаривают, но была твердо убеждена: карты не простят ей ложь, даже благую, из сочувствия. И на заявление Вознесенской: «Ты Машке соврать не могла, что ли?», Ника ответила твердо: «Нет, не могла. Нельзя».

После того разговора Дора поклялась, что никогда не попросит Веронику так страдать, гадать ей. Она, мол, вообще и в принципе не хочет знать о чем-то наперед.

И вдруг...

Вероника не стала манерничать и напоминать о данном обещании. Надула щеки, тихонько хлопнула ладонями по журнальному столу, на котором стоял ноутбук, встала с дивана и сходила к серванту за картами.

Вернулась на место и заметила, что рядом с подругой уже стоит бокал, наполовину заполненный, вероятно, не клюквенным морсом.

– Нервничаю, – покаянно объяснила «персидская княжна». Щедро бахнула винца и приготовилась к сеансу. – Давай, подруга, начинай.

– А может, не стоит? Если так нервничаешь.

Дора отвечать не стала, в привычной ее народу манере задала встречный вопрос:

– А ты перед сеансом уже не поддаешь?

Вероника, усмехнувшись, покачала головой. Когда-то, прежде чем творить расклад, она и впрямь немного отпивала коньячку. Настраивалась на процесс, словно шаман, употребляющий настойку мухомора, дабы скорее войти в провидческий транс. Хотя в ее случае это скорее был способ побороть страх – Ника отчаянно боялась увидеть в раскладе смерть, болезни, проблемы на работе или с любимыми... Страшно! На самом деле страшно. Ведь нужно правду говорить.

– Подумай, пожалуйста, о том, что тебя тревожит больше всего, – попросила Вероника и прошептала ставшую для нее ритуальной фразу. – Ну... погнажи наши городских. – Заложила рассыпавшиеся гнедые волосы за уши и начала творить волшбу, раскладывая карты на журнальном столике перед компьютером.

Где-то за тридевять земель, но очень-очень близко, Дора положила на письменный стол перед монитором свою небольшую грудь, кусая губы, наблюдала за мелькающими картами и пальцами подруги. Буквально через десяток секунд, заметив, что вокруг ее карты, бубновой дамы, вываливается исключительно черная масть, едва не крикнула в испуге: «Хватит!»

Но утерпела. Не отрывая взгляда от раскладывающихся карт, нашарила рядом с собой бокал, немного подавившись, выцедила его до капли.

Пауза. Вероника, сгорбившаяся над низким журнальным столиком, некоторое время молчком разглядывала выложенные карты. Потом, не распрямляясь, исподлобья поглядела на подругу.

– Все настолько паршиво, да?

За двадцать с лишним лет знакомства девчонки изучили увлечения друг друга. К примеру, Вероника стала лихо расправляться с sudoku, отличный математик Доротея Вознесенская могла, не глядя, приготовить маффины и прочие чизкейки, чего уж говорить про карты: Дора знала, что вначале Вероника разбирается не с тем, что было, есть и будет, а делает предварительный расклад, смотрит, что творится у человека в голове и на сердце, что он «в руках имеет».

– Ты с Даниэлем рассталась. – Не услышав подтверждения от подруги, Ника уверенно кивнула. – Гад он. Вот, в ногах лежит. Изменил, похоже. Причем с немолодой бабенкой, деловой. Но почему ты свою-то работу положила в ноги? Там вроде бы, как я вижу, все тип-топ... в руках и крепко.

– Повысить обещали, – согласилась Вознесенская, – и отдельный кабинет.

– Так поздравляю!

– Не с чем. Все обрыдло. Достало, понимаешь? Ты когда-нибудь пробовала старому момзеру кругосветку втюхать?

– Нет, – автоматически создалась кулинар.

– И не пробуй. Чего там дальше? Про собственные голову и руки-ноги я и так все знаю.

Гадалка-кулинар, вздохнув, сгребла со столика все карты, кроме одной, и начала творить вокруг молоденькой незамужней бубновой дамы основной расклад на прошлое и будущее. На мгновение из монитора исчезла картина расплющенного о стол загорелого декольте, раздался булькающий звук... Доротея продолжала крепко нервничать. И по всей видимости, не напрасно. «Чернота», рассыпавшаяся вокруг дамы, заставила и Веронику опять сходить к серванту, уже за коньяком. «Наши погнали городских» бессовестно, к обрыву, в черный омут длительных несчастий, о чем сказала завершившая расклад шестерка пик.

«Никогда больше не буду гадать близким! – наливая коньяк в старинный любимый мамин бокал, подумала Вероника. – Да ну на фиг!» И выпила за это.

Две близкие-далекие подруги, согнувшись каждая к своему монитору, некоторое время глядели друг на друга и молчали.

– Все плохо? – заговорила первой Дора.

– Все будет плохо, если ты сюда приедешь. Конкретная пакость появляется после карты перемены места жительства.

– То есть мне нельзя переезжать.

– Сейчас – не стоит.

– Почему? Конкретно говори.

– Женщине, похоже, пожилой родственнице грозит серьезная болезнь. Ты должна быть рядом. Как мне кажется.

– Кто эта женщина?

– Не знаю. Родственница.

– Поняла. – Дора, потяжелев взглядом, откинулась назад, на спинку кресла. Закинула руки за голову, предъявив на этот раз не грудь, а бритые подмышки. – Что еще скажешь, подруга?

– На работе все будет хорошо, – твердо выговорила Вероника.

– И то хлеб. Новый гад появится?

– Пока не вижу, – хмыкнула гадалка.

– И слава богу! Ладно... сгребай всю эту хрень, давай за нас, красивых и свободных, выпьем! Или... – Вознесенская прищурилась, – ты уже не совсем свободна, бабуля мне рассказывала про Максима... – До переезда в Тель-Авив подруга жила в соседнем подъезде, сейчас в квартире Вознесенских проживала бабушка Доротеи, отказавшаяся переезжать в Обетованную пустыню. – Колись давай, тихушница! Как увела чужого мужа из семьи, а?!

– Что за наветы! Он тогда уже развелся!

Махровая скромница Вероника Полумятова никогда бы и представить не смогла, что однажды будет рада обвинению в блудливости. Дора поменяла тему разговора, не стала требовать продолжения сеанса и, обозвав гадание «хренью», сосредоточилась на достоверном: романе подруги с первым сердцеедом их школы Максимом Ковалевым.

– Респект, подруга. Ну и как он?.. Соответствует или его мифологизировали? – Дора басовито и бессовестно хихикнула.

– Вполне на уровне. Но о подробностях, прошу тебя...

Ехидничающая Дора вынужденно согласилась на рассказ в рамках «12+», Вероника честно призналась, что сама пока не понимает, что между ней и Ковалевым происходит. И потихоньку перевела тему разговора на обкатанные коммерческо-мечтательские рельсы. Поскольку рассказывать о том, как начинался ее странный роман, о том, что несколько месяцев назад капитан полиции Максим Ковалев был попросту приписан к ней в качестве подневольного охранника, изображавшего влюбленность по приказу, никак не могла. И скорее всего, еще долго не сможет разглашать, о чем, кстати, уже и солидную бумажку подписала в солидной же организации.

Минут через десять, проведенных в энергичной болтовне, на столе перед Дорой тренькнул мобильный телефон, информируя о поступившем сообщении. Вознесенская скосила глаза на осветившийся дисплей, сказала «О!» и подняла вверх указательный палец:

– Маменька-с сейчас пожалуют. Пока, подруга. Буду радовать родимую, что переезд откладывается. Все, чмоки-чмоки!

Довольное лицо с загорелыми упитанными щеками исчезло из эфира. Вероника некоторое время посидела, тупо таращась на опустевший монитор, и со скрипом в каждом суставе медленно и широко потянулась, разгибая заболевшую от напряжения спину. Притворство никогда не было ее сильной стороной. Сейчас, конечно, в этом смысле Ника перешла на новый уровень; если верить ее новоявленному куратору из ФСБ, майору Красильникову, так вообще актерствовала будьте-нате. Но справедливости ради следует заметить, что лицедейские таланты в ней активировались лишь под влиянием нешуточной опасности. А тут при разговоре с подругой такая вдруг нервно-паралитическая реакция? Ника опасалась нехстати шевельнуть не только какой-нибудь третьесортной лицевой мышцей, но и всем костно-мышечным аппаратом в целом! Включая поджатые пальцы ног в пушистых тапках.

Вероника устало помассировала ладонями напряженные до ломоты скулы, заставила себя признаться, что повод для лицедейства перед лучшей подругой все-таки был. Был! И стоит радоваться, что хотя бы врать ей не пришлось, Дора сама не захотела углубляться в нюансы карточного расклада. А Ника, разумеется, на голубом глазу настаивать не стала, поскольку наспех расшифровав все связки карт, увидела в раскладе себя. Опасную подругу, несущую с собой те самые кошмары.

Как будто нет других печалей.

Охнув, Вероника перегнулась в талии, дотянулась до бокала с коньяком, который только-только пригубила, и лихо вылила его остатки в рот. Немного подержала коньяк за раздувшимися, как у Доры, щеками – порция могучей получилась, мигом такую не проглотить – и, лишь почувствовав ожог всей пасти, протолкнула огненную жидкость в пищевод.

Закашлялась до жалобного всхлипа. И некоторое время посидела, уткнувшись взглядом в тапки.

Да, хорошо, что получилось легко уговорить Доротею остаться в Израиле. Карты предупредили, что у той на самом деле вскоре заболеет близкая родственница, пришлось бы срочно возвращаться...

«А я? – Ника отправила вопрос в глубины собственного мозга. – Что со мной не так? Почему я вдруг стала опасна даже для подруги, живущей в Израиле?»

Ну ладно, Лорхен. Та с самого начала невольно оказалась втянутой в историю с убийствами, Петровкой, 38, ФСБ... Но Дора-то при чем? Живет себе в Обетованной, периодически кошмарит поцев и неверных ухажеров...

«Да, дело исключительно во мне. Все стало настолько плохо, что ко мне уже опасно приближаться».

А с этим надо разбираться. Причем немедленно, пока есть боевой настрой, и карты не отказывают в общении, рабочие сегодня. Как тот самый сапожник без сапог, Вероника себе старалась не гадать; в последний раз советовалась с картами в выпускном классе школы, и те с ней пошутили. Злобно.

Вероника собрала колоду и долго-долго ее тасовала. Сосредотачивалась на ощущениях и на главном интересе, договаривалась с картами...

Страшно.

Но необходимо.

– Погнали наши городских.

Против ожидания и создавшейся нервотрепки, вокруг незамужней дамы просыпались щедрые плюшки в виде взаимной червонной любви и шикарных денежных бонусов-бубен.

Что, впрочем, соответствовало действительности и только подтвердило дружелюбный настрой колоды. Вся «чернота» сконцентрировалась возле карты недавно сделанного опрометчивого выбора и потянулась дальше, дальше...

А это было странно. Если бы карты намекнули на ошибку примерно четырехмесячной давности, то никаких вопросов у Вероники не возникло бы. Она бы собрала колоду и отправилась на кухню варить кофе, полная печальных мыслей: «Что и требовалось доказать: дрянь началась еще в начале осени, и нечего здесь голову ломать – все равно ничего уже не исправить. Тут главное, Дора не приедет и случайно не попадет под раздачу».

Но если следовать раскладу, сентябрьские события оказывались семечками, комариной плесью. Череда убийств и нахождение в заложницах выглядели жутью микроскопического размера в сравнении с тем, что должно нагряться вот-вот, после недавно сделанной ошибки¹.

«Где я промахнулась? Причем на днях... И кто этот влиятельный король, который выпал в итоге и может что-то изменить? Король, как получилось, предложит помощь... точнее, новый, но уже вариативный выбор... не окончательный и изначально не предопределенный... Как жаль, что выпавший король не трефы!»

Раскладывая карты для других, Вероника редко залезала в дебри, делая новый расклад и пытаясь добиться от карт какой-то большей определенности. Зачастую эти дебри вносили только путаницу и уводили не то что в другую степь, а вообще закапывали в ней. Ника называла себя гадалкой «плюшевой», игрушечной, она старалась уловить за длинной и запутанной связкой то, что карты пытаются ей, скорее, не показать, а лишь немного намекнуть. На уровне ощущений. И если поделиться ощущениями с другими довольно-таки сложно, то уж самой себе ничего передавать-транслировать не надо: здесь можно, нужно докопаться!

Да, нужно докапываться. И не промахнуться на этот раз. Ошибка может стоить дорого.

Ника взяла в руки карту короля пик, поглядела на нарисованного брюнета в золотой короне и задала ему вопрос:

– Кто ж ты такой-то, а?

Если бы в раскладе таки выпал король треф, то сомнений было бы гораздо меньше: влиятельный достойный человек, который вытащит ее из самой неудобной и глубокой дряни, скорее всего, ее куратор, майор ФСБ Красильников. Задумай тот сделать себе герб, Вероника посоветовала бы Кириллу Андреевичу выбрать девиз: «Со мной как в танке!»

Нет, безусловно, Андреевич тот еще жук. Интересы родимой конторы блюдет, как юная монашка непорочность. Но в целом не предаст и выручит.

И Ковалевым пиковый король никак не мог быть, тут уж и вовсе без вариантов. Мать у Макса другая, сердечная.

«А что, если пиковый король – Эдуард Кузьмич Кошин? Достойный дед, влиятельный, как десяти Красильниковым и не снилось, и, что немаловажно – мой должник. Я его внучку от тюрьмы спасла».

Слегка воодушевившись, Вероника лихо разбросала карты вокруг короля... и мигом приуныла. Вникать в расклад ей даже не понадобилось: возле короля в короне валялись бабы-бабы, марьяжная постель. Что, согласитесь, для Эдуарда Кузьмича, девяноста двух лет от роду, смешно как смотрелось, надувательски. Денег и влияния в раскладе тоже завалились напало, но тетенькам откуда взяться? Прямоком в постели.

Н-да, таким макарком можно гадать до бесконечности и ничего не получить. Влиятельных мужиков в последнее время возле обычной поварихи появилось нереальное количество, прямо-таки подозрительное. О чем и Лорхен, кстати, говорила...

Вероника сгребла со стола карты, взяла в руки коробочку от них... Но все-таки решила дать верным подсказчикам еще один шанс, последний, чтобы больше не думать об этом короле.

¹ О. Обухова. «Плюшевый оракул» и «Рецепты сладкой мести».

Тщательно перетасовала карты и, нервно прерывисто вздохнув, собралась их медленно выкладывать, разыскивая короля, с надеждой на подсказку. От карт, которые находятся с ним рядом, можно получить хоть какую-нибудь информацию.

Подсказка выпала, когда Полумятова перевернула первую же верхнюю карту. Король пик. Следующей картой выпала бубновая дама.

Непробиваемая связка! Король таки способен благотворно повлиять на ее судьбу. Он может предложить какой-то выход из лабиринта «черной масти».

Поможет, значит?

Фух! Маленько отлегло. Хотя вопрос: «Что послужило триггером для беспросветно черной жути, какая ошибка запустила механизм разрушения, которое затронет все-все-все, включая и любимую работу?!» – остался.

Надо самостоятельно отматывать события назад, примерно на неделю. А лучше дней на десять...

Первая часть

Восемь дней назад из припаркованного возле подъезда Вероники БМВ выпрыгнул искусствовед Аркадий Валентинович. Подвижный, словно ртуть, одетый, по обыкновению, с экстравагантной яркостью: зеленый твидовый пиджак с фиолетовой искоркой, бутылочного цвета слаксы и лиловая рубашка. Затеяливый ансамбль дополнили традиционный шейный платок лазоревого цвета и почти пристойная темно-синяя жилетка. Вышедшая из дома Вероника даже огляделась по сторонам – не отирается ли рядом кто-то из соседей с юмористическими наклонностями. Это в своем фешенебельном антикварном салоне Аркадий Валентинович отчего-то смотрелся уместно на фоне поживших раритетов, но во дворе обыкновенной московской сталинки с приличными респектабельными пенсионерами, выгуливающими псов, он выглядел как минимум занятно.

– Вероника, душа моя! – радостно воскликнул антиквар. Его густой повидловый голос потек на впечатленного явлением кондитера сладким обволакивающим ядом. – Как счастлив видеть вас снова...

Вероника, растерявшись, шумно втянула сквозь стиснутые зубы морозный воздух и просипела:

– Здравствуйте, Аркадий Валентинович. – К этой встрече она готовилась, но думала, что господин искусствовед предварит ее телефонным звонком.

– А я вас поджидал.

– Как неожиданно. Чему обязана?

– Поговорить. Просто поговорить. Не откажете? – Поплавский сделал жест в сторону своего автомобиля поразительно тривиального похоронного цвета. – Присядете? Холодновато. – Искусствовед красноречиво потер ладошки и картинно передернул плечами.

Сказать по совести, Вероника предпочла бы разговаривать с опасным господином на открытом воздухе, но из-за угла дома выворачивала Ольга Павловна с пакетами. Пока еще соседка прищуривалась, стараясь сквозь бьющие в глаза лучи низкого декабрьского солнца разглядеть, что это такое творится перед ее подъездом, что там за яркое авангардистское пятно...

Вероника, не теряя времени, быстро обежала БМВ, рванула на себя дверную ручку переднего пассажирского сиденья, примостилась и даже постаралась сесть пониже. Здраваться с любопытной и бесцеремонной Ольгой Павловной сейчас ей очень не хотелось.

Появившийся на водительском кресле радостно скалившийся Поплавский, к счастью, ничего странного в поведении пассажирки не заметил и сразу же заговорил по существу:

– Вероника, вы помните, что я предлагал вам дружить? Сотрудничать. Просил подумать. Если не возражаете, я бы хотел поговорить сейчас. Может быть, поедем куда-нибудь кофейку попить?

– Давайте, – предложение поговорить в каком-то людном месте Ника приняла с облегчением, – только недалеко, пожалуйста, у меня совсем мало времени. Срочная работа есть.

Аркадий Валентинович, едва не задев бампером БМВ остановившуюся по центру дорожки Ольгу Павловну, повел автомобиль к проспекту и с добродушной усмешкой поинтересовался:

– А не для Хохловых ли ваша срочная работа, душенька?

Удивленная Вероника выползла из раковины удобного сиденья и села прямо.

– А вы откуда знаете? – К удивлению, прозвучавшему в вопросе, добавилась капля подозрительности.

– А это мой первый презент для вас, уважаемая Вероника Дмитриевна. Первый!

«Он знает мое отчество, – автоматически зарегистрировала Ника. – Значит, прошедшие две недели он не вступал в контакт и пробивал меня неторопливо».

Чуть больше двух недель назад Веронику и Поплавского познакомила Эка, внучка «небожителя» Эдуарда Кузьмича. Тогда Аркадий Валентинович повел себя достаточно странно и двусмысленно, и Вероника заподозрила в нем наводчика или даже главаря воровской группировки, специализирующейся на экспроприации антиквариата и прочих редких ценностей. Ника поделилась догадкой с капитаном Окуневым из МУРа, как раз и занимавшимся той бандой, случайно всплывшей рядом с Вероникой. К огромному своему удивлению, чуть позже Ника узнала, что совершенно не ошиблась: от троицы задержанных Окуневым крадунов к искусствоведу протянулась ниточка. Мало заметная и пока бездоказательная, но капитан был абсолютно уверен, что Поплавский – в теме. Его команду из трех человек пристроили в СИЗО, Аркадий Валентинович, естественно, подыскивает им замену. И что забавно: он ответно заподозрил в Веронике такую же наводчицу, явившуюся на разведку в дом богатея Кощина.

Окунев буквально умолил Нику о помощи, сказал, что той нужно лишь представить антиквару всамделишного вора Котова, а дальше тот будет действовать самостоятельно: поможет следствию собрать доказательства и добавить главаря к тем крадунам, уже твердо освоившимся на нарах. И никаких претензий к Нике у Поплавского, мол, не будет! В своем задержании Аркадий Валентинович станет обвинять своих разговаривавшихся «сотрудников».

Хотелось бы, чтоб так и вышло. Вероника слушала легковесную болтовню затейника искусствоведа и старалась понять, страшно ей или нет находиться рядом, ехать в одной машине с главарем воровской группировки?

– ...Хохловы, душенька Вероника Дмитриевна, известные знатоки хорошей кухни. И очень-очень щедрые. За знакомство с ними вы мне еще гран мерси скажете, – довольно хохотнул. – Вы уже решили, чем их порадуете?

– Примерно.

– Ну да, конечно. Времени прошло совсем чуть-чуть, они же вам позвонили всего полчаса назад?

Аркадий Валентинович замолк, притормозив у пешеходной зебры. Декабрьские дорожные условия были не на уровне: высокие сугробы, скользко, неторопливые по утреннему времени старушки осторожно переползают перекресток.

– Аркадий Валентинович, к чему такие сложности? – почти не скрывая раздражения, поинтересовалась Вероника. – Вы не могли попросить мой номер у Эки и просто позвонить? Подстроили заказ, ждали меня у подъезда...

– Я? Вам позвонить? – Антиквар усмехнулся и тронул машину с места. – Уважаемая Вероника, вы умеете так прелестно посылать к черту, что я, право слово, не отважился. Проще было подстроить звонок вам от топ-менеджера флагмана отечественной топливной отрасли и ждать, пока вы выйдете в магазин за покупками недостающих ингредиентов. Итак, Хохловы. Вам интересно?

– Да, конечно.

– Татьяна – дамочка с претензиями. Ее, пожалуй, сложно чем-то удивить, но как успел заметить, она равнодушна к десертам с перцем чили. И загадкам. Заставьте ее разгадывать, есть ли в десерте перчинка, или ей показалось, и она ваша. Антон Васильевич – обычный эпикуреец, простая душа. Ему бы пожирнее и погуще, но вредная жена следит за его весом...

– Я поняла, спасибо, – перебила Вероника. – Куда мы едем, Аркадий Валентинович?

– Ах да. Я взял на себя смелость заказать столик в одном очаровательном местечке неподалеку. Потом я отвезу вас, Вероника, в любой магазин, могу даже посоветовать в какой и...

– Спасибо, – опять оборвала словоохотливого собеседника кондитер. – Я не люблю бродить по незнакомым магазинам. Просто верните меня на место, ладно?

– Любой каприз, уважаемая Вероника, любой каприз, – пробормотал галантный антиквар-наводчик и зарулил на парковку перед милым крылечком неизвестного Веронике ресторана. Хоть тот и находился в ее районе, но раньше девушка о нем не слышала.

...Уголок, в котором стоял зарезервированный столик, выглядел уютным и даже интимным, если добавить в описание смелости. Непосредственно в углу стояла кадка с южным перистым растением. Вероника пригляделась к колким листьям пальмы, прикинула, насколько те способны дотянуться до ее спины... Но храбро села в угол, предпочтя обзор помещения теоретической опасности быть пощекотанной или уколотой.

Аркадий Валентинович галантерейно помог гостье усесться, и храбрость себя тут же оправдала – пальма не дотягивалась, не кололась. В ресторанчик заходила показавшаяся смутно знакомой пара – парень в ушанке из меха Чебурашки и девушка в аляске с опушкой из лисы на капюшоне. Наивно полагать, будто за эти месяцы Вероника изучила в лицо всю столичную наружку, но быстрое появление в ресторане этой пары добавило ей оптимизма. Красильников с Окуневым обещали, что будут за ней приглядывать, в обиду не дадут.

Официант доставил к угловому столику меню, но Ника отказалась с ним знакомиться:

– Спасибо. Только кофе, пожалуйста. Черный, с корицей.

– Ника, – обиженно протянул Поплавский. – Я так надеялся вас удивить ассортиментом...

– Только кофе, – подтвердила пожелание девушка и, когда официант, приняв заказ Поплавского на латте, пирожные и мороженое, удалился, произнесла: – Я слушаю вас, Аркадий Валентинович.

Поплавский привычным движением вскинул руки, немного выдвинул из-под рукавов зеленого пиджака манжеты лиловой рубашки. Взбил попышнее неоновый шейный платочек и, видимо, признав себя достаточно нарядным и готовым к разговору, произнес:

– Итак.

После чего опять замялся, пригладил кудрявый венчик пепельных волос, окружающих скромную загорелую лысину...

– Не тяните кота за подробности, пожалуйста, – неласково проговорила Вероника. – Мне еще десерт с чили сочинять.

На кота с подробностями Аркадий Валентинович отреагировал великосветским «фи», но перешел-таки к существу вопроса:

– Вероника, вы должны помнить, как мы встретились впервые. Не познакомились, а именно встретились. Вы пришли в мой салон, интересовались ценами на розовые камни. Тогда еще вы меня очень удивили, приняв александрит за розовый бриллиант...

– Я помню.

– Замечательно. А я хорошо помню, что как раз в то время вся ювелирная Москва обсуждала фантастически удачное похищение «Поцелуя сильфиды», розового бриллианта Сальниковых. Я потому и обратил на вас внимание: скромно одетая девушка интересуется ценами на конкретно розовые бриллианты... – Антиквар сделал красноречивую паузу и не менее красноречиво поиграл белесыми бровями. – Потом мы встретились у Кощина². А прошу заметить, что нашу Битву собирались проводить не в загородном имении Эдуарда Кузьмича, а в его городской квартире... заполненной антиквариатом не хуже моего салона. Так? – Вероника продолжала молча слушать увлекательный рассказ. – Уже вернувшись в Москву, – не дождавшись реакции от собеседницы, продолжил искусствовед, – я поинтересовался, имеется ли хоть какая-то связь между вами и упомянутыми Сальниковыми. И представьте мое удивление, когда я убедился, что эта связь имеется! В день похищения «сильфиды» вы были на празднике в доме Сальниковых, готовили десерты для детишек! – Аркадий Валентинович, как бы подводя итог вступлению, самодовольно поглядел на визави и, откинувшись на спинку стула, побарабанил наманикюрными пальчиками по столу.

² О. Обухова «Магия убийства».

Вероника продолжала молчать. И думать о том, какой же ловкий вун Аркадий Валентинович. Поставил телегу впереди лошади. В причастности к похищению розового бриллианта «скромно одетую девушку» он заподозрил сразу же. И отправил за ней хвост. Попавшийся на глаза наружке, путешествующей за кондитером совсем по другому поводу. Немного позже, той же ночью хвост довел любознательных топтунов до квартиры, где банда совершила кражу и была взята на выходе с поличным.

– Вероника, – подался вперед и зашептал Поплавский, – как думаете, моих умственных способностей хватило, чтобы увидеть не случайность этих совпадений? Талантливый кондитер вхож в лучшие дома... И это я еще неглубоко копнул... может быть, этих совпадений будет гораздо больше...

Занятный монолог шептуна-искусствоведа прервал появившийся с заказом официант. Пока последний расставлял на столике тарелочки и чашки, первый нескрываясь насмешливо наблюдал за Вероникой, с демонстративной – или профессиональной? – привередливостью приюживающейся к кофе.

– Почему молчите, Вероника? – поинтересовался Поплавский, едва официант оставил их одних. – Примерной девушке следовало бы хотя бы возмутиться...

– Зачем? – перебила Вероника и поставила на стол чашку с пока еще слишком горячим кофе. – Смысл?

– Ну, вид хотя бы сделайте, душа моя! А то совсем неинтересно.

– Не вижу смысла. Если вы шантажист, Аркадий Валентинович, то я прелестно отправлю вас по известному адресу. Если вы будете настаивать, то я адрес конкретизирую и отправлю вас к другим людям.

– Неужели в полицию? – притворно испугался антиквар.

– Хотя бы. – Вероника равнодушно пожала плечами.

– А вы штучка. Впрочем, я уже успел заметить.

– Давайте-ка завязывать с комплиментами, уважаемый Аркадий Валентинович. Переходите к делу. – Вероника бросила скользкий взгляд на столик, где расположились парень и девушка, уже оставившие приметную верхнюю одежду в гардеробной. Парень делал вид, будто читает что-то в телефоне, чья камера была направлена четко в угол. «Наружка все-таки», – мимоходом загордилась собой повариха.

– Как я понял, – медленно приступил Аркадий Валентинович, – относительно моего недавнего предложения вы уже посоветовались с теми самыми другими людьми.

– Да. И ваше предложение дружить им интересно.

– Вы были так уверены, что я появлюсь? – хмыкнул Поплавский.

– Аркадий Валентинович, друг дорогой, – вернув антиквару его вечные «моя душенька» и «уважаемая», Вероника наклонилась над столом и поглядела пристально, – вы мной интересовались, я вами тоже. Антиквар, искусствовед, геммолог, широкое поле деятельности, связи с лучшими домами... Моя кулинария отдыхает! Так?

– Ну да, ну да, мы можем быть взаимно полезны... – экивоки и недоговоренности, прощупывание и ходьба по минам, – насколько я помню из, простите, невольного подслушанного разговора, у вас есть дядя... Кирилл Андреевич.

– Да. Я вас познакомлю. Хотите?

Усмешку, появившуюся в глазах кондитера-наводчицы, антиквар списал на ее удовлетворение от удачно продвигавшихся переговоров. На самом деле Вероника вдруг представила, как познакомила бы хитрого дельца с настоящим Кириллом Андреевичем, майором ФСБ. Навряд ли они друг другу понравились бы, но оценили бы знакомство – точно. Один с печалью, другой с чувством мстительного профессионально-патриотического ликования.

– Хочу. Когда вам будет удобно?

– Я позвоню. Вначале с дядей посоветуюсь.

Вероника начала приподниматься со стула. Потом все же сделала глоток кофе, оценила его вкус и кивнула.

– Спасибо. Кофе действительно отменный. Но я тороплюсь.

Аркадий Валентинович вскочил. Гламурно шаркнув ножкой, помог спутнице подняться, стул ее отодвинул подальше от кадки с пальмой. Вероника, шествовавшая по ресторанному залу в не самых своих лучших джинсах и вязаной косичками шерстяной водолазке, обратную дорогу к гардеробу проделала, уже ничуть не беспокоясь о примитивности наряда и ненакрашенности облика. За яркость и экспрессию в их тандеме отвечал шагающий в арьергарде искусствовед, что сводило общее впечатление до нормального среднего уровня. И вообще – плевать. Дело сделано, завтра-послезавтра она спихнет этого болтуна на выносливые плечи Игната Котова, пускай тот дальше с ним и мучается.

Ника почувствовала такое облегчение, что, подходя к столику с ребятами из наружки, даже позволила себе лицом изобразить: «Порядок, братцы, бабушка приехала». Глядя мимо пары, но в целом выразительно.

Шалость, конечно, непозволительная, но головокружительную эйфорию очень хотелось выплеснуть. В голове Вероники, в ритм шагов, пульсировала радостная мысль: «Все, все, все, все... я это сделала. И пошло оно все к черту!»

Но настоящее все-все-все наступило лишь, когда Поплавский довез потенциальную союзницу до знакомого ей супермаркета, и вышедшая из автомобиля девушка, достав в процессе вылезания смартфон, набрала на нем номер и, дожидаясь ответа абонента, развернулась к так и не уехавшей машине с антикваром, приступила к разговору. Демонстрируя улыбку до ушей.

– Кирилл Андреевич, – считал по артикуляции ее растянутых губ Поплавский, – мое почтение. Есть новости.

Перегнувшийся на водительском сиденье Аркадий Валентинович убедился, что Ника выполняет обещание и договаривается о встрече, помахал разговаривающей девушке рукой и с достоинством отчалил. Кулинар допятилась до невысокой рейки ограждения парковки, пристроила на ледяную железяку согретую в немецком авто морозоустойчивую русскую попу и выдохнула в телефон:

– Уехал. Слава богу!

Настоящий Кирилл Андреевич, разумеется, знал, что рядом с его подопечной объявился долгожданный фигурант. Выслушал скорострельный, но детальный отчет своего агента, задал несколько вопросов и получил в итоге сердитую просьбу:

– Господин майор, я вас очень попрошу, передайте всем заинтересованным, что сейчас ко мне ходить или звонить – не надо! Несколько часов я буду очень занята! Как вам ни странно это слышать, но у меня тоже есть работа, есть обязательства...

На Нику стремительно плюсом к раздражению наваливалась усталость. Как будто весь ее недавний адреналин отчалил вместе с хитрым антикваром. Прыгнул в багажник, улегся там и, поигрывая домкратом, поехал в фешенебельный салон, оставив зимостойкую хозяйку воевать за права трудящегося народа.

Победу Ника одержала. Красильников, большая умница, с пониманием отнесся к ее состоянию и грозному шмыганью носом, сказал:

– Конечно, Ника, занимайтесь своими делами. И огромное спасибо!

Справедливости ради следует заметить, что огромное спасибо Нике должен говорить Игорь Станиславович Окунев, муровец, конкретно занимающийся кражами. Для фээсбэшника Красильникова ворюга-антиквар – карась на мелководье. Кирилл Андреевич ловил по-настоящему глубоководного хищника, Константина Федоровича Тополева, криминального магната, которому для полного соответствия поэтическому образу акулы империализма не хватает только газет во владении. Заводы-пароходы у него и так имеются.

«Загадочный» десерт для мадам Хохловой Вероника сочиняла с удовольствием и выдумкой. С калориями не переборщила, с флёром чили, хочется надеяться, тоже. Сладсть для ее эпикурейца-мужа доставила Нике гораздо больше геморроя. Из слов Аркадия Валентиновича кондитер сделала вывод, что для Хохлова важен внешне обильный эффект блюда. Казалось бы, с такими живоглотами работать проще некуда, да? Но вот не так: адски обожравшийся чревоугодник способен обвинять в своей отрыжке повара, плохое настроение, сварливую жену и прочую бытовую неустроенность... Но чаще все же повар виноват – плохо знаком с законами здорового питания.

Но разберемся, плавали в таких местах.

С воздушными пирожными, больше похожими на мини-тортики, Вероника провозилась долго. Но результатом осталась довольна. Даже сфотографировала изделия и выложила фото на свой кулинарный сайт, добавив в пояснение высчитанный низкий калораж пирожных.

Ковалев, Окунев и Котов пришли, когда Ника уже успела передать шоферу Хохловых коробочки с заказанными десертами. Окинув взглядом трех широкоплечих мужиков, она прикинула габариты своей куцей кухни и позвала гостей в соседнюю квартиру, тети-Танину. Несколько лет назад, когда фрилансеру-кондитеру Полумятовой стало зверски не хватать пространства собственной кухни и она задумывалась о перепланировке квартиры или найме другой площади, пенсионерка тетя Таня, почти все время проживающая на подмосковной даче, предложила выход: «Ты, Ника, оплачиваешь коммунальные расходы и пользуешься моей кухней. Сдать квартиру я все равно не могу, изредка нужно приезжать сюда – в больницу сходить, то да сё...» Кухня в однокомнатной квартире тети Тани была просто исполинской, а дойти до нее – только два придверных коврика перешагнуть, и Ника с радостью вцепилась в такую редкую возможность. В благодарность к каждому приезду соседки в Москву готовила для нее прямо-таки царские угощения. Тетя Таня хвасталась, что дачные подружки теперь ждут ее возвращений из столицы как праздника! Приготовленных Вероникой разносолов надолго и на всех хватает.

– Максим, кастрюлю с борщом из холодильникахвати, – переправляя Ковалева, капитана Окунева и вора Котова из своей квартиры в соседскую, руководила Вероника. – Хлеб я возьму, лазанья в духовке тети Тани, я еще утром ее приготовила.

Как опытная Баба-яга, Вероника придерживалась принципа: сначала добра-молодца накорми, а уж потом разговоры разговаривай.

...Мужики шустро работали ложками. Вероника, скрестив руки перед грудью и опираясь поясницей о тумбу, с удовольствием за ними наблюдала. Тем, кто не кайфует от вида накормленных их стараниями людей, по мнению Вероники, в поварах, кондитерах и рестораторах вообще делать нечего. Помнится, на практику после первого курса колледжа половина группы Ники залетела в огромную заводскую столовую, где заправляла могучей рукой необъятная тетя Тома, как называли ее «старички», Тамар Васильевна для студиязусов. И вот в какой-то хмурый день обретается та толстая тетенька шеф-повар за спиной практикантки Полумятовой, поставленной на разлив напитков, методично жует пирог и, оглядывая полный зал стремительно жующих рабочих, задумчиво бормочет: «И куда в них столько лезет-то, а?»

Вероника тогда, помнится, от удивления едва черпак в киселе не утопила. Кормили в заводской столовой, мягко выражаясь, не блестяще. Репутацию и кресло тети Тома, как подумала студентка, спасала только торопливость, с которой коллектив забрасывает в «котлы» энергию. Чуть позже Ника узнала, что сноха Тамары разводит поросят, сама Васильевна давно приобрела коттеджик на длинном побережье Сочи, сложила эти информационные единицы и сделала далеко идущие выводы... А для себя навек постановила: если когда-нибудь перестанет получать удовольствие от вида поглощающих еестряпню людей, то сразу же оставит профессию. Хорошая еда – одно из главных наслаждений в жизни. Если расхотелось дарить немного

счастья людям и ловить от этого равнозначный откат, то вон из ремесла, твой КПД уходит в ноль.

«Н-да, мечта сопливого детства – радовать людей... А чем приходится заниматься? – загрустила Вероника неожиданно. – Какая-то жесть шпионская». Чтобы не портить настроение ужинающим гостям подкисшим личиком, Ника отвернулась к тумбе и, сняв со стеклянной формы крышку из фольги, стала разрезать подогретую лазанью на порции. Потом сварила кофе...

– Ну, Максим, если тебя так каждый день встречают, – сыто потянулся Окунев, – то я не знаю...

Макс сразу перебил его со смехом:

– Зато я знаю! На мне уже никакие джинсы не застегиваются.

– Готов страдать! – мгновенно парировал Окунев, главный пижон МУРа. Всегда в отличных пиджаках, начищенных штиблетах... – Если оплошаешь и не женишься, то я готов! Новые штаны не проблема для накормленного мужика.

– Дуэль! На швабрах!

– Н-да, сытый мужик тот еще гусар, – усмехнулся муровец, – от зада и желудка отлегло, глупости разные в голову полезли... Ника, кофе, я чувю, уже готов?

Вероника поставила перед посерьезневшими мужчинами чашечки, наполнила их кофе и села на табурет рядом с Максом. Посмотрела на молчаливого Котова.

– Спасибо, Вероника, – поблагодарил тот. – Все было очень вкусно.

Вор, которого много повидавший муровец Окунев когда-то назвал гениальным, до сих пор вызывал у девушки противоречивые чувства. С одной стороны, им многое пришлось пережить вместе, и Ника уже не раз, выбирая между силовиками и Котовым, обращалась за советом или помощью именно к нему. Причем, что интересно, делала это, не задумываясь, в сложной ситуации рука как будто сама собой набирала его номер на телефоне, машинально.

И это странный выбор. Объяснимый если только кульбитом подсознания, интуицией, проще говоря. Которая, как ни крути, есть высшая форма логики.

– Как все прошло? – спросил Игнат.

Если бы этот вопрос задал Окунев, то Ника отрапортовала бы о результатах с протокольной сухостью. Задай вопрос Максим, Вероника добавила бы в рассказ толику девичьего кокетства – грамотная невеста такой момент профукать не должна, пусть ценит, обормот, какой брильянт словил! Котову ответила как есть, по-человечески, без протокольности, но и без дамских хитростей с рисовкой:

– Непросто. Мы, конечно, все много раз отрепетировали, и мне это очень помогло...

Вероника рассказала о встрече с Поплавским, почти дословно воспроизвела их диалог и поделилась выводом: антиквар чертовски осторожный тип, ни одного слова напрямую, поймать его на разговорах не получится.

– Так и должно быть, – согласился Котов. – В твоих личных впечатлениях о нем что-то изменилось?

Вероника согнулась, оплела лодыжками ножки табурета и увела взгляд под стол. Увидев крошки, на автомате вспомнила о венике... Не время!

– Поплавский... совсем из другого мира, понимаете? Мне с ним сложно. Сложно не только... – Ника замялась, подбирая выражения, и села прямо, – из-за того, что я о нем знаю, а в принципе. Находиться рядом, слушать его... Я не могу его понять, он меня дико бесит! Я уже взрослая девочка и от людей, которые так раздражают, держусь подальше. Имею право, я не в школе и не в офисе, где одноклассников и коллег не выбирают...

– Я понимаю, – мягко перебил Котов, – и сделаю все возможное, чтобы ваша следующая встреча стала последней.

– И бояться его нечего, – вставил Окунев, – он не такой, как...

Вероника перебрехала на капитана недовольный взгляд:

– Как Тополев, да?

Окунев поморщился:

– Да. Профиль и размах у них разный, – продолжил прерванную мысль, – у антиквара нет своих людей. В тот раз он к тебе моментально хвост прицепил, сейчас – пуф! – Капитан развел руками. – Пусто. Все его люди у нас «отдыхают».

– Ну да, не Аль Капоне, успокоил.

– Он грамотный человек, – спокойно продолжил Котов, – лишних людей кормить не собирается. А еще он чистодел. Те два убийства, когда погибли горничная и охранник, произошли случайно. В его команде были не налетчики, а высокоуровневые специалисты – необходимый минимум. Сейчас Поплавский остался один и подбирает новую команду, и, как ему кажется, зацепив бригаду, отработавшую «сильфиду», он схватил Бога за бороду. Так что бояться его нечего, он в нас заинтересован больше.

– Получается... – Вероника с непритворной беспомощностью оглядела мужчин, – мне ему звонить и назначать встречу?

– Да, – кивнул Котов и пожал плечами, – зачем тянуть? Назначай на завтра, на час дня.

Окунев достал из внутреннего кармана своего пиджака листок бумаги и положил его перед оробевшей Вероникой:

– Здесь адрес, позже отправишь его эсмэс. ОК? И не нервничай! Громкую связь включить не забудь.

Для борьбы со страхами и комплексами у Вероники были два проверенных средства: маленько хряпнуть коньячку, как в случае с картами, или вызвать у себя прилив адреналиновой бесшабашности. Рядом с тремя сочувствующими мужчинами адреналин вызывался слабо, пить не хотелось совершенно, а потому первоначально разговор с Поплавским сложился так себе. Как будто антиквару позвонила мышь, замучившаяся потеть под веником.

– Доброго вечера, Аркадий Валентинович, это Вероника, – пропищала относительно добровольная помощница внутренних органов.

– И вам не хворать, незабвенная Вероника Дмитриевна! – потек из трубки густой до приторности голос антиквара. – У вас есть для меня известия, душа моя?

Слов нет, Веронике нравилось общаться с культурными людьми, использующими в речи литературные обороты, но антиквар так перебарщивал с витиеватыми любезностями, что появлялось подозрение: а не издевается ли он, зараза?!

А потому, задолбавшаяся с вениками мышь, получив от злости необходимый всплеск эмоций, мгновенно охамела:

– Душу я вам, драгоценный, никогда не заложу! С вас и старушек, приносящих в вашу лавку перстеньки с серебряными ложечками, за глаза и за уши! Встреча завтра, в час дня, адрес скину СМС. – И рыкнула: – Устроит?

– Да, – сипло согласился пораженный ее выступлением лавочник.

– Адью.

Вероника выключила телефон. Исподлобья оглядела примолкших мужиков и поинтересовалась:

– Ну как? Нормально?

– Высший класс, – кивнул Окунев и почему-то с сочувствием поглядел на всем довольного Ковалева.

Встречу Валентиновичу назначили в баре-караоке. Практически пустующем в разгар рабочего дня, вторника.

К караоке Вероника подрулила на своем новеньком «рено», приобретенном на премии от Тополева и облегченно выдохнувших страховщиков, узнавших, что «Поцелуй сильфиды» не считается украденным. Не оборачиваясь к сидящему на заднем сиденье Котову, буркнула:

– Ну? Я пошла?

– Да, с Богом, – отозвался Котов. – Все будет хорошо. Ни пуха ни пера.

Пробормотав в ответ старомодное ругательство, Ника выбралась из «рено», немного огляделась и, не найдя ничего подозрительного поблизости, поскользываясь на обледеневшей парковке, порысила к входу. Обойдя вниманием гардероб и мало заселенный бар, за стойкой которого скучали две тощие нимфетки с кофе, Ника попросила конопатого секьюрити направить ее в сторону зарезервированного певческого кабинета под номером четыре и была сопровождена в нужном ей направлении. По дороге поинтересовалась для проформы у сопровождающего:

– Кто-то из моих друзей уже пришел?

– Нет, – односложно отчитался рыжий.

Чего и следовало ожидать. Ника приехала немного раньше, Поплавский, по предположению Котова, появится минута в минуту.

Девушка зашла в весьма немаленький кабинет с пухлым диваном и парой кресел, обтянутых огнеупорным черным дерматином. Зябко поежившись, размотала шарф и сбросила на спинку кресла куртку. Потом застыла в центре комнаты и от нечего делать копнула вглубь себя: «Мне страшно или нет?»

Волнительно, пожалуй, да. Но, главное, набившие оскомину терзания: «Что я здесь делаю, чем занимаюсь, когда это закончится...», мудро остались дома. Ника уже давно запуталась в самой себе. Она никогда не считала себя любительницей драйва и прочего улета. Она выбрала себе самую мирную профессию. Хотя... папа у нее военный, в Афганистане воевал...

Господи, да при чем здесь папа и прочее мужское! Ника трезво отдавала себе отчет: она начинала получать замысловатое удовольствие, когда у нее получалось решить некую логическую загадку, распутать криминальный узел. Казалось: она рецепты чьей-то жизни сочиняет, разбирается в ингредиентах.

Не хочется подсесть на кайф, в корне противоположный кормлению людей и способный в потенциале лишить ее нормального окружения. «Один новый дружок уже сидит в машине, скоро и другой потенциал заявится...» Нормальные товарищи подбираются у двадцатисемилетнего кондитера, да?

Догадавшись, что снова начинает ковыряться в себе и рефлексировать, Ника взлохматила нахватавшие снега волосы, подвигала губами, разгоняя по ним помаду, и чуть не произвела следующий жест готовившейся к свиданию девицы – едва бюстгальтер не поддернула повыше.

Блин. Мысленно хихикнув, она из-под ресниц поглядела по сторонам и вверх: «Интересно, где здесь камеры припрятали?» Запись предстоящей встречи с Поплавским наверняка организована, Вероника только что едва не добавила в жизнь полицейских немного искреннего веселья.

На этой задорной ноте кулинар и встретила проникшего в кабинет искусствоведа.

– Аркадий Валентинович, – произвела жизнерадостный оскал на все тридцать два жемчужно-белых, – мое почтение!

Поплавский, не ожидавший от Вероники такого оживления и оптимизма – распрощались они вчера довольно-таки сухо, – порядком растерялся и впервые позабыл припечатать ее какой-нибудь «душенькой-озорницей».

– Добрый день, – промямлил он. – А... – оглядел кабинет, как будто некий дядя Ники мог прятаться за креслом, – где...

– Один момент. Все будет. – Продолжая лучезарно скалиться, кондитер достала из заднего кармана джинсов телефон, произведя набор, сказала в трубку: – Мы на месте, дядя, все в порядке, тихо, ждем.

– Конечно, – догадавшись о причине отсутствия родственника поварихи, уважительно кивнул Аркадий Валентинович и внезапно шагнул к Нике, схватил ее за руку и быстро зашептал: – Вероника Дмитриевна, у меня сложилось впечатление, будто вы чем-то на меня обижены. Скажите честно, что я делаю не так? Ну почему вы постоянно на меня сердитесь?!

О как. Ника оторопела и забыла вытянуть свою руку из влажных ладошек взволнованного антиквара. Оказывается, он ее тоже разгадать не может? Понимает, что они из разного теста, и зубки неожиданно обломал об «скромно одетую девушку»?

– Я не сержусь, – сказала Вероника и безуспешно попыталась выудить свои пальцы. – Я вам уже говорила, что не люблю фамильярности.

– Ну, право слово... – антиквар вернулся к привычному актерству и плаксиво надул губы, – ну простите старика... Я с вами разговариваю, как привык... Я ничего не понимаю в современной молодежи! Для меня слово «респект» звучит ругательством!

Аркадий Валентинович с почти искренней мольбой смотрел на Веронику, и к той невольно подкралось подозрение: слить отсюда сразу-сразу, как Котов обещал, у нее почему-то не получится. Вон как Валентинович в нее вцепился.

«А может быть, ему просто страшно? Ведь это он рискует...»

Ника положила вторую ладонь на сцепку из их с антикваром пальцев, мягко надавила, разжимая хватку Поплавского:

– Я не сержусь на вас, Аркадий Валентинович. Поверьте, мне есть на кого сердиться гораздо сильнее. Вы в этой очереди даже не пятидесятый номер.

– Правда? – Искусствовед внезапно округлил глаза. – У вас так много недоброжелателей? Бедняжка.

«Н-да, с номерами я что-то того... переборщила». Зато отвлекла его и руку высвободила.

Качественно посочувствовать и развить успех антиквару помешал вошедший Котов. Высоченный и широкоплечий, в кепке с опущенными клапанами-наушниками, очках с чуть затемненными стеклами-«хамелеонами» и в медицинской маске на пол-лица.

Внушительно смотрелось. Даже для кондитера. На месте Аркадия Валентиновича Ника б окончательно стухнула.

Но Валентинович был господином не из робкого десятка. Поздоровавшись с вошедшим мужчиной легким поклоном, искусствовед пылливо поинтересовался:

– Кирилл Андреевич, как я понимаю?

– Если угодно, – невозмутимо, но с интригой вынес Котов. Раскинув полы длинного пальто, засунул руки в карманы брюк, явно намекая, что к рукопожатиям не расположен. – О чем вы хотели со мной поговорить, Аркадий Валентинович?

– Присядем? – предложил Поплавский. Собрался приобнять за талию кондитера, сдвигая ту к креслу. Но вовремя опомнился и опустил ручонки по швам. – Вероника? Может быть, кофе? Сока?

Скорее всего, некоторая пауза и отвлекающие вопросы понадобились Поплавскому, чтобы, так сказать, втянуть ноздрями воздух и попробовать понять, в каком ключе вести переговоры. Когда его собеседники отказались угощаться и сели по креслам, Аркадий Валентинович, подпернув фиолетовые брюки, примостился на диване. Пробормотал «нуте-с» и наконец-то приступил:

– Мне хочется надеяться, что обмениваться верительными грамотами нам не нужно. Так? – Котов кивнул, и антиквар двинулся дальше. – У меня... точнее, у моего друга есть проблема, для решения которой нужны люди определенной квалификации.

– Проблема? – Брови «Кирилла Андреевича» уползли под кепку.

– Да. Чистейшей воды – проблема! И если вы согласитесь нам помочь... то, поверьте, внакладе не останетесь. Мой друг очень, очень благодарный человек.

– Суть вопроса?

– Я могу рассчитывать на конфиденциальность?

Из-под маски Котова донеслось досадливое фырканье. Аркадий Валентинович обрадовался, ударил ладошками по бедрам и собрался поделиться сутью чужих проблем, но ему помешала Вероника.

– А можно я пойду, а? У меня дела, я вас познакомила...

Не тут-то было!

– Вероника, – потянулся к собравшейся встать с кресла девушке Поплавский, – я вас очень прошу, останьтесь! Вы мне нужны!

– Я? – Ника ткнула себя пальцем в центр грудины.

– Да! Именно вы! Послушайте, пожалуйста, и все поймете!

– Ну ладно. – Вероника пожала плечами и вернула руки на подлокотники кресла.

– Кирилл Андреевич, Вероника, мой друг – завзятый клептоман. Увы. В прошлом году он совершил страшную ошибку, в которой признался мне совсем недавно. Пятнадцатого декабря прошлого года его пригласили на торжество в очень достойный дом. У хозяев этого дома, понимаете ли... – Поплавский замялся, – есть... точнее, была одна занятная вещица...

Занятой вещью оказалась самая обычная серебряная ложка, десертная. Подаренная, правда, Вольфом Мессингом. Когда-то, тыщу лет назад, друзья позвали Вольфа Григорьевича на день рождения маленькой девочки, Нюорочки. Та пятилетняя Нюорочка, заваленная куклами и плюшевыми зайцами, капризничала за столом, отказывалась кушать дефицитный по тем временам творожок. И Вольф Григорьевич достал из кармана принесенный им подарок – серебряную ложечку в бархатном футляре. Извлек ее наружу, закрыв глаза, подержал между ладонями и, обтерев салфеткой, протянул девчужке:

– Нюорочка! Это волшебная ложка. Пока ты будешь кушать ею творожок, в твоём доме всегда будут денюжки, чтоб мама с папой покупали тебе новых кукол и конфеты.

Непонятно, насколько Нюорочка прониклась эпичностью подарка, но семейная легенда гласит, что творожок тогда сметливая новорожденная сметелила до крошки. А дальше стала относиться к кисломолочным продуктам с огромным пиететом и выросла здоровой, красивой и завсегда с богатством. С годами превратилась в Анну Леопольдовну, а ложку берегла словно зеницу ока.

Лет десять назад уже очень зрелая Нюра вышла замуж за канадца и переехала в Ванкувер. Не шибко полюбила тамошнюю новую родню, по слухам заподозрившую дедушкину «молодуху» в корысти. А потому, обидевшись, зловредно оставила эпическую ложку в России, в доме старшего сына. Но, помня о завете увенчанного лаврами провидца, обязательно приезжала на родину отмечать свой очередной день рождения и кушать, кушать творожок.

– Что, неужели ложка работает? – впечатлилась историей «плюшевая» ворожея. – Даже если ее только раз в году использовать?

– Ну, если младший сын Анны Леопольдовны в «Форбс» засветился, а у нового мужа бизнес в гору попер, значит, работает, – печально подтвердил Аркадий Валентинович.

– Ни фиги себе, – присвистнула кондитер. – Ваш друг совсем... – Ника не договорила.

– Полный идиот, – вздохнул искусствовед, – конченный.

– А эти его друзья... с ложкой, знают, что он клептоман?

– Ни боже мой! Это тайна за семью печатями! Мой друг известный человек, весьма весьма небедный...

– Так что же тогда клептоманит?

– Болезнь. Не властен над собой. Попал на день рождения Анны Леопольдовны и не удержался, потихоньку стащил из футляра легендарный прибор. Футляр убрали за стекло в

сервант уже... мгм, не совсем трезвые домочадцы, разницу в весе пустого футляра никто не заметил... Я, право слово, уже намучился с этим своим другом! Несколько раз, по доброте душевной, вытаскивал его из похожих ситуаций, но сейчас... сейчас обстоятельства несколько изменились, и мне приходится искать помощников. Вся надежда только на вас, уважаемые Вероника и Кирилл Андреевич.

Ника поглядела на гениального вора Котова, не проронившего за последние десять минут ни слова. И тот подачу принял.

– Цена вопроса?

– Триста тысяч.

– Рублей? Не интересно. – Котов стал приподниматься.

– Четыреста!

«Кирилл Андреевич» продолжил движение, и Валентинович воскликнул:

– Полмиллиона! – и трагически добавил: – Рублей. Имейте сострадание к больному человеку!

– Больных лечат, – равнодушно отметил вернувшийся на кресло Котов. – Я же пока только готов вас выслушать и ничего не обещаю.

– Да, да, конечно, – пристыженный Аркадий Валентинович достал из кармана клетчатого черного с синим пиджака неожиданно однотонный коричневый платок и промокнул им лоб, – проблема в том, господа, что в дом Михаила Дмитриевича не попасть. Он живет в отлично охраняемом поселке, в соседях о-о-очень непростые люди, увешавшие все столбы видеокameraми, везде собаки и охрана... Но в самом доме камер нет. Если попасть в дом, то вернуть на место ложечку получится довольно просто... людям с определенной квалификацией. Нужно только сервант вскрыть и футляр.

– А как попасть?

– Я уже, простите, Вероника Дмитриевна, закинул удочку. Через седьмые руки посоветовал Михаилу Дмитриевичу пригласить на пятнадцатое декабря, на день рождения маменьки, одну замечательную девушку-кондитера...

Твою мать!!! Каким-то чудом Вероника не выругалась вслух и подхватила отвалившуюся челюсть. «Мне что... опять?! – задохнулась мысленно гневным воплем. – Да ни за что!»

– Сколько мы можем думать? – услышала Ника вопрос Котова и снова начала дышать.

– Недолго, умоляю. Пятнадцатое скоро. Я не успел вам кое-что еще сказать, маменька Михаила Дмитриевича обожает всяческие зрелища, даже с новым мужем познакомилась на представлении цирка дю Солей. Так вот я донес до Михаила сведения, что Вероника отлично работает на кейтеринге... я видел ваш сайт, Ника. Чего вам стоит артистично приготовить для бабушки творожный десерт?

– Про ложечку стащить вы не забыли? – злобно поинтересовалась артистичная повариха.

– Вернуть! – поправил антиквар. – Послушайте, вам нужно будет сделать предварительную прикидку, так? Приехать в дом, где сейчас полный кавардак, идет подготовка к ежегодному приезду бабушки, посмотреть, как расставить этот ваш реквизит для кейтеринга... Как раз в том самом зале, где стоит этот злосчастный сервант с пустым футляром!

Заметив, что «разведчица» Полумятова приготовилась дерзить, гениальный вор попросил у антиквара тайм-аут.

– Мы будем думать, Аркадий Валентинович.

– Недолго?

– Да.

Под это обещание «подельника» Вероника вылетела из кресла, подхватила шарф и куртку, пулей вынеслась из кабинета. Она всерьез переживала, что может сорваться, надерзить Поплавскому или Котову и испортить все дело. Мысль, что ее уговаривали не воровать, а вернуть украденную вещь, ничуть ее не успокаивала. Из горла рвался вопль: «А без меня никак

не обойтись?!», и потому Ника попросту сбежала. Пронеслась по коридору до барной стойки, удивила, а может быть, и напугала своим злющим видом двух анемичных нимфеток-кофеманок. Швырнула одежду на высокий круглый табурет и, недолго думая, просипела симпатичному бармену:

– Текилы. Пятьдесят. Нет, сто! И лимон, не лайм.

Бросила яростный взгляд в сторону коридора, по которому неторопливо шествовали разговаривающие вор и антиквар. Побарабанила пальцами по стойке и шумно вздохнула.

– Пойдем отсюда, Нелли, – сказала за ее спиной одна из юниц. – Сейчас эта тетка скандалить будет.

Вероника обернулась на догадливую девочку с задорными хвостиками схваченных разноцветными резинками волос, словила сразу два высокомерных взора и опустила нос к столешнице. Тетка. Дожила, блин.

К пребывающей во взлохмаченном состоянии Веронике подошел Игнат. Слегка согнувшись, поставил локти на барную стойку и, ничего не говоря, уперся взглядом в выставку бутылей напротив.

– О чем вы сейчас говорили? – буркнула «тетка».

– Аркадий интересовался, хватит ли твоей квалификации для вскрытия серванта и футляра.

– Надеюсь, ты сказал ему правду. Машину поведешь? Мне надо выпить.

– Конечно.

Вероника получила от бармена большую стопку с кристалликами соли, налипшими на ободок, подвинула к себе тарелочку с дольками лимона. И, прикинув свои возможности и вероятную пользу, сделала внушительный глоток, предварив его тостом: «Ну, за мир во всем мире».

– Так ты ему сказал правду? – горько морщась от ядовитой кислоты лимона, жуя, спросила кулинар.

– Господи, что тебя беспокоит...

– Я повторяю. Ты. Ему. Сказал?

– Нет. Мы же попросили паузу для размышлений.

– Интересно, – Ника развернулась полу-боком к Котову, стянувшему с лица медицинскую маску, прищурилась, – и когда ты собираешься ему сказать, что я иногда и калитку у родителей на даче не с первого раза открываю?

Телефон Вероники тренькнул, информируя о поступившем сообщении. Хозяйка аппарата скосила глаза на осветившийся дисплей и выдохнула, обтирая руки о салфетку:

– О как! Поплавский мне привет отправил. С файлом.

– Открой его, пожалуйста.

Жующая Ника открыла сообщение и файл... В нем было несколько фотографий: вид старинного серванта, крупный план его замка и фото фарфорово улыбающейся бабушки. Судя по всему, Анны Леопольдовны, сидевшей в кресле у стола, на котором лежал распахнутый футляр с небольшой серебряной ложкой.

Игнат поглядел на присланные снимки и тихо произнес:

– Говорить Поплавскому, что ты не сумеешь вскрыть этот сервант, было глупо. Он умный человек. Понимает, что я могу научить тебя вскрывать такие замки за полчаса.

– Серьезно? – удивилась Вероника и очень некстати вспомнила не только вредный замок на дачной калитке, но и недавнюю историю, когда она приехала к родителям в поселок и поняла, что забыла ключи от дачи дома. А мама с папой в магазин уехали и на два часа застряли в пробке. Нике тогда пришлось лезть через забор, потом выбрасывать любимые шорты, зацепившиеся непонятно за что на заборе.

– Абсолютно, – подтвердил невозмутимый Кот.

– Слушай... а как ты вообще всему этому научился? Ты же... ты не похож на уголовника.

Ника внимательно поглядела на стоящего рядом сорокалетнего мужчину, похожего на обеспеченного потомственного интеллигента. Таких уравновешенных типов обожают женщины любого возраста, от ускользнувших от бара нимфеток, сейчас с интересом глазееющих на застывшую у стойки парочку, раздумавшую скандалить, до вполне себе солидных бизнесвумен. На памяти Вероники Котов всего лишь раз потерял самообладание. Тогда ему позвонил Тополев, и Игнату пришлось делать выбор: отдавать Веронику костоломам Константина Федоровича или пытаться решить вопрос без привлечения оных. Тогда Кот побледнел буквально на глазах и начал обливаться потом.

– Спасибо, – усмехнулся вор. – Как-нибудь расскажу свою историю. Обещаю.

– Ловлю на слове.

Котов заинтересованно поглядел на делающую еще один глоток текилы Полумятову и, покачивая головой, сказал:

– Знаешь, у тебя поразительная стрессоустойчивость. И реакции.

Ника мысленно усмехнулась. И пожалела, что никому не рассказала о том, что с ней творилось в доме Кощина. О приступах раздвоения сознания, навалившейся немочи, кошмарах наяву...

– Игнат, ты сможешь меня как-то отмазать от участия в ложечной эпопее?

– Конечно. Разумеется. В тот дом может прийти не только кондитер, но и электрик, к примеру.

– Ловлю на слове еще раз.

– Я тебе должен, – бесстрастно напомнил собеседник.

Ника повернула голову, сколько позволила шея, положила подбородок на плечо и, разглядывая невозмутимого Кота, сказала:

– В том, что я оказалась втянута в историю с «сильфидой», виновата была Жанна. Она меня выбрала, не ты.

На щеках Игната заиграли желваки, глаза как будто помутнели. И пьяненькая кулинарша отважилась спросить:

– А-а-а... ты, прости, ее любил?

Взгляд Котова вынырнул из воспоминаний, сосредоточился на неплохом наборе коньяков и вин напротив стойки.

– Не знаю, – признался вор и замолчал. Но понял, что ответ неполный, верткий и едва слышно добавил: – Она была единственной, с кем я мог быть самим собой.

– Единственной... – прошептала Вероника и внезапно, развернувшись на стуле, уткнулась лбом в плечо Котова. – Как это больно... да? Всегда притворяться... быть тем, не кто ты есть... – Ника неожиданно вскинула лицо вверх и тихонько хмыкнула. – Слушай, а давай творожка купим? Ложечку от Аркаши получим, откушаем... Когда еще заговор на богатство от покойного волшебника получим, а?

Грудь Котова затряслась, кадык задергался, поперхнувшись смехом, вор выговорил:

– Ты все-таки невероятна... Творожка тебе отведать... Договорились. Как только антиквар передаст мне ложку, я принесу ее тебе – откушаем. Всенепременно, как сказал бы наш новый друг Аркадий Валентинович.

Кроссовер «рено» плавно вырулил со стоянки возле бара-караоке, Котов нагнулся к рулю, стараясь разглядеть дорожную обстановку за припаркованным на заснеженной обочине грузовичком.

– Какие впечатления от встречи? – поинтересовался у Вероники как бы мимоходом.

– Да все такие же. Аркаша шут и павиан...

– Не скажи, – резко посылая машину вперед и втыкаясь в автомобильный поток, перебил Котов. – Он очень умный и проницательный человек. Достойный противник.

– Да неужели? – удивилась Вероника.

– Точно-точно. Весь его внешний вид просчитан до молекулы, Ника. Именно на такую реакцию и рассчитаны его наряд и манеры. Поплавский хитрый делец, он понимает, что все его платочки-пиджаки вызывают снисходительность. Клиенты знают, что он прекрасный специалист, знаток своего дела, клиенты... покупатели, продавцы, те, кому требуется экспертиза произведений искусства, обычно нервничают. Так? Но вот когда они встречаются с таким эксцентричным господином, то невольно расслабляются. С наглухо застегнутым экспертом разговор проходит в напряженной атмосфере, Аркаша – мастер маскировки.

Вероника откинулась на спинку сиденья. Некоторое время задумчиво таращилась в замечаемое снегом ветровое стекло, не замечая мечущихся по нему дворников.

– Ты прав, – произнесла она в итоге размышлений. – Пока тебя не было, он меня хватал за руки...

– Он тебя хватал? – перебил Котов с определенной мужской интонацией, после которой обычно следует вызов к барьеру.

– Да перестань, – поморщилась Вероника, – я не о том. Он цапнул меня за руку и давай трясти: «Я вас не понимаю, я старый человек...» – и, неожиданно хихикнув, сбилась на классику. – «Меня девушки не любят»...

– «Я год не был в бане!» – хохотнул Игнат.

– «Отдайте мои деньги!» – добавила еще из Паниковского Вероника и засмеялась.

Возможно, смехом она избавлялась от отголосков напряжения и раздражения, Котову, возможно, тоже был необходим релакс. Перебрасываясь фразами из «Золотого теленка», гениальный вор и девушка с хорошими реакциями проехали примерно километр.

– Ох. Хватит, – сказала, отсмеявшись, Вероника. – Не к добру это. Я остановилась на наблюдениях, так? Да. Паников... Тьфу! Поплавский сказал, что не понимает современную молодежь и слово «респект» звучит для него ругательством. А через полчаса заявил, что бизнес нового мужа бабушки попер в гору. Попер, понимаешь? Настоящий ценитель русского литературного никогда не использовал бы этот оборот!

– И что? К чему ты ведешь?

– А к тому, что Поплавский, как наша добрая тетя Клара, продумывает каждое слово. То есть ты прав, Игнат: Поплавский мастерский притворщик.

– Но ты ж разобралась.

– Не сразу. Хотя слово «попер» ухо резануло сразу. Но тогда все мысли занимала какая-то ложка, какая-то фигня, из-за которой нас пригласили...

– Неправильно, Ника. Тут как раз все сделано ну очень красиво. Я, кстати, ожидал чего-то подобного – незначительного, почти не попадающего под УК РФ. Верните ложечку хозяевам, ребята. Верните. А я буду прикидывать, стоит ли иметь с вами дело. Респект! Как никогда бы не сказал наш... Паниковский. Он, – Котов добавил автомобилю скорости, стараясь успеть под зеленый свет светофора, – большая, исключительная умница, Вероника. Нетривиальный тип. Мне даже стало интересно.

– Тут главное – насколько это интересным покажется Окуневу. Мне кажется, он будет, мягко говоря, разочарован.

Разочарование Окунева вылилось в моноспектакль с названием «Аргументы». На этот раз капитан дожидался Веронику и Игната в квартире Ковалева, официального жениха Ники, ходил взад-вперед по большой гостиной и разбирал на составляющие предложенный Игнатом план – не использовать в предстоящей операции мадемуазель кондитера.

– Вот ты говоришь, что Нику можно не привлекать, – обращаясь к Котову, но совершенно на него не глядя, быстро говорил недовольный взъерошенный капитан, – можно представить тебя сантехником или электриком... – Окунев пригляделся к сидящему в кресле вору

и кивнул. – Ну, предположим. Любого доктора наук пять дней не брить, и он за ассенизатора сойдет. Но в чем смысл, Игнат? Зачем? Сантехника не пропустят дальше кухни и туалета. Электрика, даже если мы вырубим свет во всем поселке, тоже в комнаты не пригласят. И надо учитывать, что на случай отключения электричества в таких домах имеется альтернативный источник питания! Ты что, туда придешь – лампочки в люстрах менять? Снять показания счетчика или проверить энергопотребление? Про засор унитаза я даже говорить не хочу! А прочее водоснабжение наверняка идет из скважины. Кого, Игнат, пропустят в гостиную с сервантом и оставят там на некоторое время одного? Агента страховой компании? Покупателя, внезапно предложившего за дом астрономическую сумму? Кого?! – патетически воскликнул Окунев. – Представителя санэпидемстанции? «В районе вспышка ящура и всем необходимо сделать прививки, а после полежать немного...» Как в «Кавказской пленнице». Пока Шурик-Котов девушку спасет, точнее, ложку возвращает... Нет, ребята, здесь не кино, и ящур не прокатит.

Вероника и Игнат, недавно вспоминая другой фильм из советской классики, переглянулись. Окунев, заметив это, тяжело вздохнул:

– Я понимаю. Понимаю, Вероника, что Игнат идет у тебя на поводу. Но предложите мне другой альтернативный адекватный выход! Предложите. И я его поддержу! – Капитан клятвенно приложил ладони к груди. – Я сам не в восторге от того, что происходит. Я помню, что мы собирались изъять тебя из операции, Вероника. Я даже обещал! Но что мне делать? А? Что делать?

Моноспектакль закончился любимым вопросом русской интеллигенции. «Кто виноват?» не прозвучало, поскольку подразумевалось: Аркадий Валентинович подбросил всем огромную свинью, когда спланировал подмену ложки за вероятных «наемников» и поставил во главу угла кондитера.

Что, сразу следует заметить, выглядело бы вполне оправданно, имей кондитер ожидаемые Валентиновичем криминальные наклонности.

– Давайте думать, – предложил Игнат, – зачем же сразу в безысходность-то бросаться, – и поглядел на Веронику. – Кофе можешь нам сделать? Пожалуйста.

Ника кивнула с той самой безысходностью, выбралась из глубоко уютного кресла Ковалевых и направилась на их же кухню.

– Тебе помочь? – спросил ей вслед Максим, но Ника помотала головой.

На кухне жениха она уже освоилась. Давным-давно принесла сюда упаковку зерен кофе от любимого производителя и одобрила кофемолку и старинную турку. Мама Максима, Илона на две недели уехала в профилакторий камвольного комбината, где заведовала лабораторией, и попросила Веронику приглядеть за ее великовозрастным детищем.

Милая женщина. И очень красивая. Удивительно, что до сих пор не замужем. Ведь развелась с отцом Максима лет десять назад.

Вероника достала из навесного шкафчика упаковку с зернами, задумчиво пересыпав их в кофемолку, немного ею пожужжала... В кармане джинсов запиликал телефон, Ника извлекла его наружу и, увидев неизвестный номер, разумеется, ответила на вызов.

Звонила новая заказчица:

– Добрый день, Вероника, меня зовут Алина, мне посоветовали к вам обратиться друзья. Вы ведь кондитер, да?

Вероника согласилась. И начала слушать дальше.

Через минуту, забыв про кофе, она устала на заснеженные тополиные верхушки за окном и застыла. Из телефона неслось дружелюбное чириканье Алины, объясняющей про ежегодный приезд бабушки мужа, обожающей творожные десерты.

– ...Вероника, я видела на вашем сайте съемку, где вы работаете на новогоднем корпоративе, и хотела бы заказать нечто подобное...

Левая нога кондитера дернулась в сторону выхода из кухни. Алина позвонила так не вовремя, через полчаса, возможно, этот звонок не имел бы смысла! Котов, Вероника не теряла надежды, что-нибудь придумал бы, нашел, как убедить осторожничавшего Окунева...

– Простите, я не уверена, что у меня получится, – с максимальной деликатностью оборвала кондитер собеседницу.

– Ой, – разочарованно протянула та. – А может быть, вы все-таки... Я понимаю, в середине декабря у вас довольно плотное расписание, но пятнадцатое – еще не полный цейтнот! Мы слышали от знакомого такие восторженные отзывы о вашей работе! Наша бабушка обожает зрелища, а у вас все настолько хорошо продумано, я видела...

На кухню вошел Максим, услышавший из гостиной, что Вероника с кем-то разговаривает. Он вопросительно приподнял брови и посмотрел на нее своим знаменитым рысьим взглядом – чуть искоса, с наклоном головы.

На миру и смерть красна. Не появившись Максим на кухне, то Ника, в приватной обстановке пообещала бы перезвонить, едва только разберется со своим плотным расписанием, а после, дождавшись результата переговоров Котова и Окунева, с извинениями офутболила бы эту самую Алину в далекие края. Но взгляд Максима из-под челки – настороженный, прелестно хищный, нежный – позвал, черт побери, на подвиги! Из общей песочницы их детства к Веронике протянула ручки девочка, влюбленная в соседского мальчишку как сорок ласковых кошек.

– Хорошо, Алина. Я попробую. Вы мне отправите фотографии помещения, где предстоит работать, или, может, мне приехать и прикинуть на месте, как лучше разместить оборудование для кейтеринга?

– Ой, – снова протянула заказчица, – а как это правильно сделать?

– Правильно, – вздохнула Вероника, глядя в «рысьи» глаза Ковалева, – приехать мне. Вы убранство зала и площадку для кейтеринга будете сами оформлять или...

– Или! – сразу перебила собеседница. – Конечно, «или». Вдруг вам будет что-нибудь мешать, да?

– Хорошо, – без малейшей рисовки вымученно согласилась Ника. – Я уточню свое расписание и позвоню вам относительно предварительной встречи. Пятнадцатое резервирую, да?

– Конечно да! Спасибо, Вероника...

Девушка слушала излияния Алины и смотрела на своего капитана, прекрасно понимая, что, пожалуй, исключительно из-за него она только что дала согласие на дикую, отчаянную авантюру с треклятой ложкой Мессинга. Как будто на слабо попалась.

– Вот смотри, – Игнат показал тонкой металлической клюшкой на внутренности разобранного замка, – для нас с тобой важно, чтобы эта вот штуковина нажала вот на эту хреновину... Понятно?

– Да.

Если придерживаться хронологии событий, то первоначально штуковина с хреновиной назывались как-то иначе. Котов Веронике даже маленькую лекцию прочел про отличия сувальдных, ригельных и цилиндрических замков. Кондитер, правда, не очень прониклась и заскучала. Дабы у той окончательно не размякла тяга к знаниям, Котов быстро перешел к практическим занятиям, и вот тут-то и возникло много непонятностей.

– Игнат, – кисло поинтересовалась ученица, – ты автомобильные права как получил? Купил, украл или, как я, три месяца таскался на курсы по вождению? – Догадливый Котов признал вопрос риторическим и не ответил. – Прежде чем посадили всех блондинок за руль, – продолжила Ника, почесывая свой гнедой затылок, – нас черт знает сколько времени заставляли теорию зубрить. А ты хочешь, чтобы я за пять минут заучила все эти термины? С суваль-

дами... Да они меня только путают и отвлекают! Я не собираюсь быть слесарем, Котов. Будь проще, – попросила ученица.

И Котов стал. Тыкая стальной палочкой с загогулиной на конце, показывал заинтересованной слушательнице, как двигаются внутренности замка. Что за что цепляется, какой подвох на каком месте возникает, чего нужно добиться для достижения конечного результата.

Занятия проходили в жарко натопленном закутке огромной слесарной мастерской, расположенной на задворках простаивающего завода. Закуток сей довольный согласием Вероники Окунев обозвал «полигоном»:

– Материальной частью и местом для занятий я вас обеспечу. Есть у меня на примете один симпатичный и уединенный полигон. Ни одной живой души не встретите!

Если не считать живой душой страшно мучающегося похмельем сторожа в огромном овчинном тулупе и валенках с калошами, то так оно и получилось. Сторож, практически не проявив к Веронике и Котову необходимого профессионального любопытства, довел их непосредственно до закутка, отгороженного от зала с токарными и прочими станками кирпичной кладкой, ткнул варежкой на верстак, где лежали коробки с новыми замками, и ретировался, оставив после себя могучий выхлоп перегара.

...Котов протянул Веронике две тонкие железки – уже упомянутую клюшку и кусок изогнутой проволоки – и показал прилежной слушательнице на замок, зажатый в слесарных тисках:

– Попробуй. Замок простенький, ты справишься. Главное, помни о том, что я тебе показал, так сказать, в разрезе.

Ника закусила губу, на секунду прикрыла глаза, представляя внутренности точно такого же, но разобранного замка... И храбро воткнула куда надо клюшку. Невероятно удивив саму себя и Котова, заставила замок открыться с первой же попытки.

– Да ладно... – удивленно протянул Игнат, – так быстро? Ловкие же у тебя пальчики, подруга.

Мадемуазель кондитер издала носом победный трубный звук. Попробовал бы Котов за час слепить из кондитерской мастики полсотни ежиков, грибочков и ушастых зайчиков! Так бы пальцы натренировал, что смог бы ремонтировать любую технику на ощупь. Папа Ники, например, всегда звал дочь, когда ему требовалось открутить какой-то особо вредный крохотный винтик отверткой неподходящего размера. И даже если нет отвертки в принципе. Однажды дочка, поразив папку в самое сердце, сумела открутить миниатюрный вредный болтик пинцетом для бровей. Совсем не шестигранным, на минуточку.

– Давай-ка еще раз, – попросил учитель ученицу. Видимо, решил, что первая попытка удалась случайно. Хорошо хоть, «дуракам везет» не произнес.

Ника демонстративно вздернула рукава толстовки, согнулась над зажатым в тисках замком, нацелила на него воровские инструменты... Подцепила клюшкой планку, вставила внутрь проволочку, подергала ее вверх-вниз аккуратно... Щелк! И замок поддался.

– Поверить не могу, – шепнул Игнат за ее спиной. Взял в свои руки ладони развернувшейся Ники, провел большими пальцами по ее подушечкам. – Такие чувствительные... А у тебя талант, оказывается.

– Знамо дело, – довольно согласилась Вероника.

– Даже не знаю, что сказать. – Вор обескураженно покрутил головой и отпустил руки девушки. – Я тебе на всякий случай подготовил отмычки, – достал из кармана связку из нескольких тонких фигурных пластин. – Если судить по фотографии, то с вероятностью в девяносто пять процентов одна из этих отмычек должна подойти к серванту. Но ты творишь такое... Попробуем на ригеле? Мне даже любопытно, как быстро ты с ним справишься.

– Ага. Секундомер включай.

Примерно через час занятий прервались на обед. Вероника достала из сумки пирожки и термос с чаем, Игнат добавил плитку шоколада. Ника, сидя на верстаке и весело болтая ногами, жевала и одновременно спрашивала своего учителя, оседлавшего единственный полигонный табурет:

– А ты долго всему этому учился?

– Моя учеба прошла в полевых условиях, – усмехнулся Котов и, ойкнув, стряхнул с джемпера в подставленную ладонь случайно выпавший из пирога кусочек мясного фарша. – Мне бы такие условия тогда... Наставник дядя Боря на неделю запил бы, если бы ему сказали, что менты могут на «учения» замки закупить и местом обеспечить. Жируем мы с тобой, Ника, за государственный счет.

– Ну да, конечно. Сравнить нас с тобой нельзя. А ты сам кого-то еще учил?

– Да. Жанна попросила.

Ника перестала жизнерадостно болтать ногами.

– Прости. Я не хотела напоминать...

– Все в порядке. Жанне, конечно, до тебя далеко, но наручники, например, она научилась вскрывать за восемь секунд.

Полумятова чуть пирогом не подавилась.

– В смысле?! – взвыла ревниво. – Быстрее меня? За восемь секунд научилась?!

– Нет, что ты! Она их вскрывала за восемь секунд! – Котов негромко рассмеялся. – Я ей тогда как раз новый бюстгальтер подарил, с секретом. Она его и опробовала.

– Пардон. Не понимаю, какая связь между наручниками и, простите, лифчиком?

– Волосы у Жанны были короткими. Шпильки-заколки ей не нужны, а иметь под рукой какие-то отмычки хотелось. Ну я и предложил ей использовать косточки от бюстгальтера, модифицированные, само собой. – Игнат дотянулся до верстака, взял в руки клюшку. – Я сделал косточки из проволоки средней жесткости, припаял к кончику малюсенькую планочку, упрятал концы в силиконовую накладку, чтобы не кололись при носке... Вот так. Понимаешь? Накладка снимается с кончика в один момент, проволока гнется, так как в определенных местах я сделал насечки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.